

ученых и литераторов ему чужд хотя бы вследствие незнания языка. Что Кантемир в первые лондонские годы не знает английского языка, несомненный факт (Остерману от 9 июня 1732 г., т. е. на пятом месяце пребывания в Лондоне: «наипаче, что весьма мало по аглицки разумею». М., № 11), но выключение английского общества еще не равняется включению итальянского. Была в эти годы в Лондоне и другая, кроме итальянской, иностранная колония, гораздо более численная и много интереснее; это, конечно, Messieurs de la religion, гугеноты, эмигрировавшие после отмены Нантского эдикта. Общеизвестна (после классического исследования J. J. Texte'a) громадная роль гугенотских ученых и журналистов в подготовке «просвещения» XVIII в. Именно здесь, в темных идеологических лабораториях, подготавливалось будущее, между тем как люди типа Пуччи или кавалера Озорио были носителями отрешенной формы прошлого. Вольтер в Лондоне (1726—1729) умеет разыскать французских гугенотов, и они становятся его идеологическими гидами, да, собственно, и инспираторами «Английских писем». Почему Кантемир не обнаруживает никакого интереса к этим людям, хотя, казалось бы, ему, перелагателю Буало, французы в Лондоне должны были бы быть особенно близки? Языковых преград не было. Очевидно, не в них дело, а в иных преградах и иных притяжениях, преградах и притяжениях социальных. Итальянский круг Кантемира — классово-идеологически родственный ему круг.

Как происходило усвоение Кантемиром литературных взглядов его итальянских друзей? Казалось бы, многочисленные письма, извлеченные проф. Александренко из оксфордского архива Цамбони, должны дать нам на это полный ответ. Но исследователя ждет разочарование. Во-первых, лондонские письма в Лондоне же живущим друзьям посвящены бытовым мелочам (приглашения, уговор встретиться и т. д., напр. М., №№ 41, 44 и мн. др.) и в них мы не найдем ни следа тех литературных споров, которые, без сомнения, происходили в устной беседе. Парижские же письма оставшимся в Лондоне итальянцам тоже избегают литературных тем и посвящены либо общим дружеским воспоминаниям, либо сообщению новостей. Во-вторых, эпистолярная манера Кантемира такова, что существенные вопросы остаются за порогом его писем. Кантемир отнюдь не мастер письма.¹ Формулы вежли-

¹ Иное дело его дипломатические донесения на русском языке. Уже аббат Гуаско справедливо восхищается ими. Вряд ли кто другой из русских